

The image shows a photograph of a building facade, likely a residential or institutional structure, partially obscured by trees and a fence. The scene is captured in a warm, sepia-toned light, suggesting an autumn or late afternoon setting. The ground is covered with fallen leaves. An orange rectangular overlay is positioned in the upper left quadrant, containing the text.

Кай Арбеков

Музыка тел, живопись хаки

18+

Кай Арбеков

Музыка тел, живопись хаки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кай Арбеков

Музыка тел, живопись хаки / Кай Арбеков — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Осень 1939-го застала французскую студентку в оккупированной нацистами Польше. Трясина, затягивающая Европу в затяжную войну, вот-вот погребёт в кровавом месиве и хрупкую девушку. Что ждёт Амандин? Смерть? Тяжкий путь? Любовь?

Кай Арбеков

Музыка тел, живопись хаки

«Стужа листву деревьев острой иголкой колет.
Путник услышал колокол, путь домой отыскал».

Хо Ши Мин

Деревянное здание с треугольной крышей, куда их медленно, но неотвратно вели, когда-то служило амбаром или стойбищем для скота, или и тем, и другим. Соломенная крыша, бревенчатые стены, плотно заколоченные узкие окошки. Две сгорбленные фигурки, попавшие в щупальца глухого к мольбам воинственного монстра, обреченно брели под низким пасмурным осенним небом, а охранники, двое верзил-автоматчиков в обтекаемых железных касках, непрестанно подталкивали обеих вперед тычками и выкриками. После обильных проливных дождей просёлочная дорога даже на обочине превратилась в грязевое чавкающее месиво, и лишь у входа в сарай проложили несколько основательно замызганных досок. Одна из девушек, та, что носила чёрные мужские ботинки явно не по размеру, старалась аккуратно шагать по этим доскам, чтобы защититься от хляби, хотя юбка давно уже покрылась рельефными отвердевшими пятнами; другая, в резиновых галошах, безразлично топала по коричнево-серой жиже, будто намеренно погружая подошву глубже, чтобы с хлопаньем вытащить наружу. Статные конвоиры в высоких сапогах негромко переговаривались, разглядывая спины девушек и пытаясь угадать очертания их фигурок.

Потом их ввели в помещение...

Внутри широченной комнаты в полумраке виднелся стол, неизвестно как сюда попавший, за ним сидел командир в эсэсовской фуражке, под потолком горела тусклая электрическая лампочка в конусообразном светильнике. Чуть подальше, почти у стены, ещё один стол, а над ним другой такой же светильник – там что-то отбивал на печатной машинке молодой человек в круглых очках и безупречный чёрной форме; в неосвещенных углах валялась какая-то трудно угадываемая рухлядь, солома, и, кажется, высохший или мёрзлый навоз. Рядом с мощной фигурой командира на кривом стуле расположился младший офицер в сером мундире – сержант или кто-то в этом роде. Девушки не особо разбирались в воинских званиях, но внутренним чутьем понимали, что тот человек являлся лишь исполнителем воли тёмного командира. Может быть, палачом. Первым делом командующий взводом велел выйти вон конвоирам, которые тут же исчезли, лишившись последних надежд на угощение. Допрос начался с Амандины.

– Встань под лампой, – приказал офицер, холодным взором как бы пронизывая её насквозь; так долгое созерцание отточенной до толщины волоса стальной бритвы уже внушает омерзительный ужас тому, кто хоть раз порезался.

Девушка в мужских ботинках вступила в круг света. Её платье и охристо-бурый вязаный жакет закрывали почти все тело, только рукава кофточка были слегка коротковаты. Для этого времени года одежда её не вполне годилась – просто второпях не успела накинуть телогрейку, когда за ней явились... Короткие узкие пальцы нервно мяли косынку. Спутанные темные волосы с ржавым отливом, кое-как перехваченные лентой, беспокойно пружинили на хрупких плечах; на милом растерянном лице испуганно хлопали отороченные паутинами ресниц зелёные глаза. Вторая девушка по сравнению с ней выглядела как грубая крестьянская торговка, полноватая и некрасивая, в сером тулупе, с боязливо выпученными бесцветными глазами.

– Имя, – произнес негромко старший офицер.

– Амандина Оранж, – покорно ответила девушка. Уже через секунду она не смогла выносить направленный на неё взгляд и опустила взор к носкам своих ботинок.

– ... господин унтерштурмфюрер, – поправил её хозяин положения.

– Господин унтерштурмфюрер, – повторила послушно она.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два, господин унтер...унтерфюрер.

– Кто твои родители, Амандина?

С первых звуков её голоса помощник командира, младший офицер в серой шинели, внимательно следил за девушкой, не отрывая от нее глаз, будто ловил каждое её слово. Он достал папиросу из блестящего портсигара, закурил, и вокруг него расплылись клубы пепельного, быстро тающего дыма.

– Мать – учительница, отец – доктор.

– Я спрашиваю, кто они: поляки? евреи? французы? – командир не повышал голоса, но в словах, произносимых им, явственно вибрировала угроза. Перед ним лежал паспорт девушки, откуда он мог узнать все первоначальные сведения. Но ему было интересно спрашивать. Отличать ложь от правды по концентрации страха в голосе.

– Мы из Франции. Французы.

Командир рассмеялся, и его гоготание походило на воронье карканье, такое же злое и скрипучее. Ассистент жадно затянулся. Человек за другим столом бесстрастно продолжал отчеканивать слова на клавиатуре портативной машинки.

– Французы, – выдохнул командир, успокоившись. – Позволь похвалить, ты отлично говоришь по-немецки. Да и по-польски, наверное, тоже. Они остались там, во Франции, твоя славная родня?

– Да, господин штурмфюрер.

– А что же ты тогда тут делаешь? – он, похоже, намеренно не поправлял её, будто забавлялся.

– Я студентка, учусь на историческом факультете. Сюда я приехала из Парижа собирать материалы для дипломной работы в К– й библиотеке. В самом начале сентября, когда город... когда город оказался под угрозой взятия рейхскими войсками, и о библиотеке можно было уже не думать, мы с подругой решили уехать дальше на восток. Подруга приютила меня здесь, в своей родной деревне, – французенка говорила, и теперь немецкий казался ей грубым, как камень, холодным, как штык-нож; слова с трудом связывались в предложения.

– Это она-то твоя подруга? – командир кивком указал на толстушку.

– Нет, господин... унтерштурмфюрер. Моей подруги уже нет в деревне.

Он что-то записал в блокноте и на несколько секунд замолчал.

– И давно ты здесь прячешься? – спросил вдруг младший офицер; его голос прозвучал как-то глуховато и сипло, словно простуженный.

– Около двух месяцев, – она уткнулась в пол, не зная, как обращаться к новому участнику допроса, напряженно схватив одной ладонью запястье другой руки.

– И надеешься вернуться домой, не так ли? – командир снова беззлобно рассмеялся, и на этот раз его помощник присоединился к смеху начальника; носок сапога втапывал в земляной пол испускавший последний дымок окурок.

Человек в круглых очках сосредоточенно работал, не глядя на Амандину; щелканье клавиш напоминало короткие автоматные очереди; передвижения каретки на начало строки – звонок на двери в ароматную булочную, когда кто-то нетерпеливо входит.

– Отвечай, – приказал снова лейтенант, ослабившись.

– Не знаю, господин штурмфюрер, посчастливится ли, – сказала бывшая студентка.

– Скажи, тебе известно что-нибудь о партизанах? Может быть, ты слышала о лесных отрядах? Сколько их в окрестностях? По сколько человек в этих группах? А из этой деревни мужчины часто уходят в лес и не возвращаются?

Она молчала, потупив взор.

– Если поделишься с нами важной информацией, я отправлю тебя домой. Хорошо? Париж прекрасный город, ты же хочешь вернуться туда?

– Я ничего не знаю, господин...

– Лжешь! – он ударил кулаком по столу, и лицо его исказилось в злобной ухмылке. Потом он неожиданно громко расхохотался. Теперь он был похож на грифа. Одним взглядом он мог заставить её сжаться в комок.

– Французики, – надменно произнёс командир. – Они убегали, и им стреляли в спину. Похоже, только немцы чего-то стоят на поле боя.

– Так точно, – не к месту вставила Амандина, но её замечание теперь не вызвало даже улыбки.

– Скажи-ка мне, милая, – совершенно серьезно спросил командир, перестав кривляться, – ты же не держишь на меня зла? Не сердись?

– Нет, господин оберштурм... унтерфюрер.

– Как они умеют лгать, черт возьми! – командир театрально вскинул руками и выпучил глаза, оглядывая комнату, будто вокруг него находились зрители.

Несколько секунд только выстрелы печатной машинки раздавались в комнате. Командир тщетно пытался поймать взгляд девушки: она упёрлась в носки, разглядывая потрескавшуюся грязь на ботинках.

– Герр обершарфюрер, успокойте её, – приказал он раздраженно, казалось, потеряв всякий интерес, и одним махом решив судьбу француженки.

Краем глаза Амандина увидела, как затряслась при этих словах её знакомая, поняв, что наступает её очередь, как задрожали её полные губы. Сама Амандина не ощущала никакого ужаса, не испытывая ни страха, ни злобы, ни каких-либо еще эмоций. Совершенно ничего. Она плохо соображала, что происходит. Происходящее слишком походило на сон. Смерть выглядела совершенно невозможной штуковиной. Помощник командира поднялся со своего стула и схватил Амандину за локоть, подталкивая к выходу. Командующий взводом уже перешел к допросу другой девушки. Злобно оскалился голый череп на скрещенных костях на кокарде его фуражки.

– Кто ты?.. Откуда?.. Кто твои родители?.. – до Амандины еще долетали вопросы, но не ответы: другая девушка что-то бормотала себе под нос, неотчётливо...

«Он пират, флибустьер», – почему-то подумала Амандина, когда обершарфюрер вывел её из сарая.

С другой стороны бревенчатого строения среди высокой высохшей травы вытянулась грязная тропинка, по которой они и шагали. Впереди стелилось только чистое поле, незаметно переходившее на горизонте в пасмурное небо. Слева приближалось еще одно неуклюжее строение, служившее хранилищем сена. Пейзаж оживляли лишь холмики стогов да частокол леса на горизонте. Пахло сырой землёй, сырым туманом и гнилыми картофельными клубнями. Палач велел ей двигаться вперёд, к ближайшему стогу сена. Ноги у неё внезапно ослабли, стали заплетаться. Она отчетливо представила себе, как младший офицер достает пистолет, как прицеливается и стреляет ей в затылок, как она сама вдруг повалится в грязь, рефлекторно дрыгая кончиками пальцев, словно обезглавленное животное ножками...

Пройдя чуть дальше, она увидела, что за ближним стогом была вырыта яма, на дне которой уже валялись несколько мертвых тел: жители деревни, бывшие евреями, подозреваемые в связях с партизанами или просто подвернувшиеся под руку. Они лежали тут уже два дня. У края ямы замерло ведро с известкой, рядом воткнута штыковая лопата. В воздухе висела влага,

он весь был как будто пропитан мельчайшими водяными частицами, и из ведра поднимался едва заметный серый дымок. Амбар, где господин унтерштурмфюрер допрашивал жителей деревни, скрывался далеко позади и пропал из виду.

Солдат пододвинул девушку к краю ямы, рывком повернул её к себе лицом. Медленно извлек из кобуры новенький черный «Вальтер»: всё как она воображала. Как влитая лежала металлическая рукоятка в крепкой руке. Её же пальцы все ещё сжимали снятую с головы косынку, но она этого не замечала. Её полуоткрытые обескровленные губы выдыхали разреженный пар, дыхание участилось: неужели это последний вздох? Не этот, так следующий... Её бледное лицо излучало отчаяние и вопрос: это что, действительно по-настоящему? Она всмотрелась в безразличные голубые глаза солдата, теперь осозная, что это последние глаза, что она видит. Сердце принялось разгонять кровь. Тело уже приготовилось принять пулю, но душа до сих пор не верила, что эта жизнь так закончится...

Вдруг черты лица солдата смягчились, в глазах проявилась свойственная людям сострадательная печаль. Свободной ладонью он прикоснулся к гладкой прохладной щеке девушки, погладил её висок и волосы. Ему очень нравились её зелёные глаза, будто умолявшие защитить, и в тоже время почти смирившиеся с предстоящей гибелью. Как она беспомощна, как не к месту здесь, у этой ямы, перед дулом пистолета... Его пальцы источали тепло. «Он пытается меня успокоить?» – спросила Амандина сама себя. Её было жалко убивать. Он казнил уже многих, но эта француженка заставила его остановиться и раздумать. Фельдфебель ещё немного полюбовался девушкой, затем направил безжалостное оружие и два раза выстрелил в яму. Резкие хлопки быстро растаяли в воздухе.

– Видишь тот сеновал? Нагнись и пройди в него, а я запру тебя снаружи. Если будешь шуметь или попытаешься сбежать, я убью тебя и всех жителей деревни, – сказал он спокойно и твердо сильным своим голосом. – Не вздумай высовываться наружу, пока я не приду за тобой. Если нарушишь запрет и поведешь себя глупо, я расчленю тебя живо, Schlampe. Хочешь жить, сиди тихо. Поняла? – спросил убийца.

Теперь она не верила своим ушам. Ведь она уже должна была рухнуть безжизненным трупом в яму!

– Спасибо, господин...

– Судьбу благодари. Пригнись пониже и – быстро к этому сараю. Спрячься хорошенько в сене и сиди молча.

Он вырвал из ее ладони косынку и швырнул ее в яму, и, пока девушка исполняла приказ, с помощью лопаты присыпал братскую могилу известью. Обернулся – никого. Не спеша подошел к сеновалу и запер его снаружи на маленький навесной замок.

Через несколько минут сквозь щель в ставнях на верхнем уровне, под крышей сарая, Амандина увидела из своего укрытия, как всё тот же офицер привел из амбара к краю братской могилы другую, менее везучую девушку, и на этот раз без всяких задержек расправился с крестьянкой. Один выстрел в голову, и толстуха, бросившаяся на колени, моля о пощаде, исчезла под землёй. Амандиной овладело жуткое отчаяние. Силы покинули её. Беспросветный мрак настоящего, чёрная дыра будущего, затопив сознание, парализовали орган, производящий мысли, и в мирной тишине она уснула в пахнувшей летом куче сена.

Она проснулась от того, что кто-то звал её; не по имени – просто звал. Она зашевелилась, приподнялась стряхнуть с себя причудливую чешую только что увиденных грёз, высушила голову с верхнего этажа сарая, и оказалось, что уже вечер, и она с усилием разглядела его смутный силуэт. Она потрясла головой, скрипнула доска, и теперь стоявший внизу солдат заметил её. В волосах её застряли сухие травинки, вся одежда покрылась сеном, и она пропахла им насквозь. В шуршащем стоге она согрелась, но теперь почувствовала сильный голод. Солдат пошатал лестницу, испытал на прочность и велел ей слезать. Пока она отряхивалась,

солдат не сводил с девчонки глаз, потом вернулся ко входу в сарай, выглянул наружу, нет ли кого; плотно закрыл дверь.

– Слушай внимательно, фройляйн, – процедил он неприветливо сквозь зубы, грубовато схватив её за плечо и хамовато наклонив голову. – Делай всё как я скажу, и будешь жить. Командование дало мне неделю отпуска, чтобы я успел съездить домой по семейным обстоятельствам. Хочешь со мной?

Она испуганно глядела в него, пытаюсь понять, к чему он клонит, и нет ли в этом предложении какого-нибудь смертельного подвоха.

– Да, месье.

– Ты будешь шагать за мной на расстоянии двух шагов. Если попытаешься дать дёру, получишь пулю в голову. Если решишь закричать, я заткну тебя выстрелом в лоб. Если ты хоть раз откажешься слушаться, я накачаю тебя свинцом. Тебе понятно, как себя вести, чтобы не разозлить меня?

– Да, месье. Я буду очень послушной.

– Тогда бесшумно выходим и тихо идём. Ты мертва, а мертвецы не ходят и не шаркают ботинками. Иди тихо. Нас не должны видеть вместе, иначе плохо будет обоим. Только угадай, кому хуже? Пока не выйдем за пределы деревни, пригнись и двигайся быстро и как можно тише. Идем к опушке, и не отставай!

Из-за толстого слоя облаков еле-еле пробивался лунный свет. Пока он давал свои наставления, совсем стемнело, и тропинку, по которой он вёл, уже почти не было видно. Она тупо следовала за человеком в шинели, пригнувшись как можно ниже, чтобы ее не разглядели в траве, гадая про себя, за кого его принять: за ангела смерти или за спасителя? Чем это все закончится?

Несмотря на тяжелые сапоги с налипшей к подошве грязью и набитый вещами ранец на спине, фельдфебель шагал почти бесшумно. Амандина смотрела на этот рюкзак и стала думать: что он содержит? амуницию? взрывчатку? одеяло? еду? книги? Когда они отошли подальше от последних жилых изб, словно в ответ на её мысли фриц вдруг повернулся и, достав из-за пазухи краюху хлеба, протянул ей. Зашли в сырой и холодный лес. Путь не освещался фонарём, и частенько ей приходилось выбрасывать в воздух руку, боясь упасть или ища точку опоры. Между тем она тщательно прожёвывала каждую кроху, чтобы впитать из хлеба как можно больше жизни.

Вот уже и хлеб доеден, и мысли все передумались, и страх почти исчез, а они все шли и шли в темноте, и всё отдалялись от деревни. Несмотря на темень, немец как-то подозрительно хорошо ориентировался в лесу и уверенно двигался вперед. Её внимание теперь сосредоточилось на щетинистом морозце. Ночной холод проникал под кожу рук, ушей, шеи, румянил щеки, и пар из ноздрей следовал за ней, как за паровозом. Лишь ноги грелись от ходьбы, ведь приходилось поспевать за офицером, повторяя его движения, перешагивать черневшие даже в адской мгле поверженные стволы, обходя сосны и кусты, шелестевшие сморщенной листвой при касании. Иногда в лощинах попадались клочки тумана, и двое плыли в нём, растворяясь, как большие птицы в низко стелящихся облаках. Иногда она наступала на сухую ветку, и хруст разносился между деревьями, и тогда солдат оборачивался со свирепым выражением на лице, и тогда Амандина думала, что ему ничего не стоит пристрелить её теперь. Плечи у неё начали мелко дрожать. “Скоро все закончится, – повторяла она про себя бестолково, – скоро все будет очень даже хорошо”. Сколько времени прошло с выхода из деревни?

Наконец он остановился в неглубокой лощине, со всех сторон окруженной молчаливыми стволами, упиравшимися прямо в небо. Низина, повсюду утыканная толстыми столбами сосен, хранила тишину: ни птиц, ни насекомых. Девчонке потребовалось отлучиться, и, когда она вернулась, фельдфебель уже расстелил на земле большое одеяло, видимо, извлеченное из ранца,

и приготовил шинель, чтобы укрыться. Она медленно подходила, не зная, что делать дальше. Он нагло разглядывал её, дрожащую и безропотную.

– Иди сюда, ближе, – позвал он осипло и настойчиво.

Амандина оказалась прямо перед солдатом и второй раз внимательно всмотрелась в его почти черное в сплошном мраке лицо. Его можно было бы назвать красивым, если бы не жёсткость скул, не холодность и чужеродная отстранённость бесцветных арийских глаз. Сколько смертей они видели? Сколько неуклюже раздевающихся живых трупов, готовившихся застыть навечно в вырытых ими же могилах, наблюдали эти зрачки?

– Да не бойся ты. Ложись, – приказал он ей. – Вместе теплее будет.

Она послушно легла на одеяло, повернувшись к нему спиной, и через несколько мгновений солдат устроился рядом с ней. Он расстегнул мундир и одной половинкой накрыл её бок, а сверху накинул шинель и обнял её за талию. Большая тёплая рука успокоила и согрела девушку. Она даже стала засыпать, как вдруг через некоторое время с недоумением ощутила, что одна его ладонь легла ей на грудь, и пальцы шупают сосок, а вторая залезла под юбку, нащупывая там что-то.

– Что вы делаете? Нет. Прекратите!

Она принялась извиваться и вырываться из железных объятий, но он держал крепко и сейчас же заставил студентку утихомириться, до боли сжав плечи всем весом и отведя запястье за поясницу, а другой ладонью зажав ей рот.

– Перестань брыкаться. Не сопротивляйся, иначе будет больнее, – объявил он, хрипло шипя и брызгая пеной. – И помни: пока самое лучшее, что тебя ожидает, это заключение за пособничество полякам и трудовой лагерь.

Он повернул Амандину на живот, и, не переставая зажимать ей рот, производил какие-то манипуляции с собственными брюками и с девичьим нижним бельем. Послышался треск рвущейся хлопковой ткани, белой, нежной. Грубо тиская круглые ягодицы, он приказал ей пошире раздвинуть ноги, а потом стал исследовать щель под покрытым курчавым ворсом лобком. «Это моё тело, – подумала она. – Что он делает с моим телом?» Амандина отчаянно дышала, производя мычащие звуки, пытаясь забыться и зажмурившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.